

Измайлов Александр Алексеевич

Рассказы

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
А46

А46 **Александр Алексеевич И.**
Рассказы / Измайлов Александр Алексеевич – М.: Книга по Требованию, 2023. – 237 с.

ISBN 978-5-519-86895-2

ISBN 978-5-519-86895-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Есть встрѣчи тайныя, всегда случайныя,
На мигъ сліяніе сердець и душъ...
И вновь безмолвіе, поля безкрайныя,
И одиночество, и сонъ, и глушь!..
Д. Ц е н з о р ь.

1.

Вотъ что рассказала мнѣ одна женщина въ минуты большой откровенности.

— Если женщина говоритъ тебѣ, что она осталась вѣрна всю жизнь потому, что такъ хотѣла,—не вѣрь ей. Есть сила, болѣе могущественная, чѣмъ всѣ обѣты и долги, и есть искушенія, противъ которыхъ нельзя устоять. Если женщина устояла до конца, это только потому, что ее обошло такое искушеніе. Или она держала себя за версту отъ соблазна. Или она рыба.

Любила ли я своего мужа? Какъ сказать? Я была вѣрна ему до той минуты, когда узнала, что онъ мнѣ невѣренъ. Знай, женщина, которая дѣйствительно любила, никогда не проститъ измѣны. Въ семь разъ она заплатитъ за нее. Иногда семью семь. И этого еще мало.

Вѣроятно, любви не было. Онъ былъ мнѣ слишкомъ чужой. И я измѣнила ему. Бываютъ случаи, когда, кажется, сама природа и всѣ кругомъ заключаютъ заговоръ противъ человѣческой вѣрности.

Полунищя можетъ устоять противъ соблазна стат-завтра обладательницей сотенъ. Можно противостать даже писаной красотѣ. Но нельзя устоять, когда мужчина захватываетъ тебя всѣмъ обаяніемъ силы, исключительности, извѣстности, таланта,—когда онъ кажется прекраснымъ какъ богъ.

Слушай, какъ это случилось...

Мужа не было. Уже съ мѣсяцъ его не было со мной. Ты знаешь, для женщины, привыкшей жить вдвоемъ, это тяжело. И повѣрь мнѣ,—здѣсь не главное фізіологія. Нѣтъ! Начинаешь чувствовать себя одинокой, забытой, ненужной, Въ голову лѣзетъ всякая чепуха о немъ. Съ ужасомъ думаешь о каждой горничной отеля. Если любишь,—это пытка.

Въ такомъ настроеніи можно сдѣлать Богъ знаетъ что. Въ такомъ настроеніи не надо выходить изъ дома. Моя ошибка была въ томъ, что я вышла. Я никогда не видѣла одна, какъ на городъ спускается ночь. Въ этотъ часъ черезъ Невскій я только проѣзжала въ экипажѣ и всегда съ мужемъ. Но мнѣ много рассказывалъ мужъ. Но я много читала. Въ Невскомъ ночного часа есть тайная, увлекающая сила.

II.

Былъ двѣнадцатый часъ. Самое начало мая. Уже подходили бѣлыя ночи. Но еще не пришли. Въ такіе дни не зажигаютъ фонарей. Въ двѣнадцать сгущаются сумерки, чтобы черезъ часъ порѣдѣть.

Невскій стоитъ въ этотъ часъ, какъ заколдованный. Это не ночь и не день. Не сонъ, но и не явь. Тотъ же, что былъ утромъ,—прямой, простой, длинный. Но и весь полный тайны.

Я опустила на лицо густую вуаль. Въ этотъ часъ одну меня не долженъ былъ встрѣтить никто. Уже начался разѣздъ за границу, но одного знакомаго было достаточно,

чтобы пошли сплетни. Я тогда была моложе, стройнѣе, тоньше. Чужіе принимали меня за барышню.

Я прошла первую сотню шаговъ почти съ волненіемъ. Какъ было ново для меня это положеніе! Разгоралась ночная жизнь. «Эти» женщины, «такіе» мужчины,—о нихъ до сихъ поръ я только слышала, только читала. Теперь ихъ платья шелестѣли около меня. Одинъ вѣтеръ,—было свѣжо,—трепаль мою вуаль и газъ ихъ шляпокъ. Дерзкіе взгляды возбуждали меня. До меня доносились грубыя слова и смѣхъ.

Мнѣ было жутко, какъ жутко опускаться въ холодное море. Но и интересно и заманчиво, какъ тамъ. Я скоро присмотрѣлась къ толпѣ. Я видѣла, что среди мужчинъ были вовсе не одни подонки и накупъ города. Все увѣреннѣе мнѣ казалось, что сегодня что-то будетъ. Что-то необыкновенное, новое, неожиданное. Будетъ, будетъ, будетъ!

На углу Владимірскаго проспекта я увидѣла его,—этого челоѣка, съ которымъ меня странно связала судьба въ ту ночь. Я узнала его сразу, никогда не видя его раньше,—по портрету.

Тогда только-что прогремѣла его большая картина изъ жизни античнаго Рима. Ее тогда же купили, какъ перво-классную цѣнность, въ академію. Не было самаго послѣдняго журнала, который бы не далъ съ нея снимка. Газетчики описывали, какъ онъ живетъ. Я знала, что нѣсколько лѣтъ назадъ онъ потерялъ жену и ребенка. Если бы я хотѣла, я могла бы знать, какъ онъ обѣдаетъ.

Его портретъ оставилъ во мнѣ необыкновенное впечатлѣніе при первомъ взглядѣ. Знаешь, есть лица, которыя залегаютъ въ памяти навсегда. Иногда для этого имъ не надо быть красивыми. На этихъ лицахъ лежитъ печать божьяго поцѣлуя въ уста. Тотъ талантливъ, кого такъ цѣлуетъ Богъ. И эти лица могутъ быть почти некрасивы. Но ихъ не забыть.

Онъ былъ и красивъ. Что было великолѣпно въ немъ, это—голова, крупная, высоко поднятая, поставленная царственно гордо. «Онъ въ этотъ міръ пришелъ, чтобъ видѣть солнце».

Этотъ орлиный взглядъ далеко впередъ, куда-то немножко повыше людей,—это было именно то, что заставило меня тогда запомнить его портретъ. Я узнала бы его среди тысячъ. И тогда же, отбрасывая журналъ, я подумала—«вотъ кого можетъ безумно полюбить женщина!..».

III.

Онъ стоялъ на углу, съ этой гордо поднятой головой, въ широкой сѣрой шляпѣ и темной накидкѣ. Онъ былъ строенъ и гибокъ, какъ юноша. Я знала, что ему было за сорокъ.

Это не была поза человѣка, вышедшаго на поиски приключеній. Онъ смотрѣлъ на проходившихъ передъ нимъ женщинъ, но это не былъ взглядъ тѣхъ, кто сейчасъ шелъ по тротуару. Вся поза выражала спокойствіе, вниманіе и безграничную грусть. Я была не такъ близко отъ него, но это угадываешь безошибочно.

«Если бы онъ присталъ ко мнѣ!» — Да, это была моя мысль. Можетъ быть, въ ту же минуту наступилъ бы конецъ его обаянію надо мной. Но это было такъ. Я хотѣла, чтобы онъ принялъ меня за «такую».

Я замедлила шаги, приближаясь къ нему. Я посмотрѣла на него, и его взглядъ скользнулъ по мнѣ—такой же умный, спокойный, холодный. Но изъ ресторана вдругъ выплеснулась группа людей. Нѣсколько голосовъ рѣзко кричали, кого-то тащили. Это былъ настоящій уличный скандалъ.

Ты замѣчалъ, въ ночномъ Невскомъ есть какая-то наэлектризованность? Въ этотъ часъ точно всѣ чего-то ждутъ. Большая тишина ждетъ не дождется перелиться въ крикъ. Въ такой тишинѣ жутко. Всегда чудится, что оттуда, съ противоположнаго конца, котораго не видно, уже надвигается что-то, чего еще не знаютъ здѣсь. Свистни или крикни,—и черезъ минуту около тебя будетъ толпа съ лихорадочными глазами.

Я почувствовала, что меня могут сбить съ ногъ. Остановленная течениемъ, я стала и инстинктивно, почти съ надеждой, посмотрѣла на того человѣка въ сѣрой шляпѣ. И мгновенно отвела глаза.

— Если вы пройдете со мной,—васъ не тронуть.

Я оглянулась. Это говорилъ онъ. Онъ былъ за моимъ плечомъ слѣва.

Слово «благодарю» вырвалось у меня машинально. Я должна была помнить, что мужчину, приставаго на улицѣ, не благодарятъ. Но во мнѣ говорила не свѣтская дама, а только испуганная женщина.

IV.

— Если вы скажете одно слово, я тотчасъ же васъ оставлю,—сказалъ онъ, когда мы молча миновали толпу.— Но я не пристаю къ женщинамъ. Я просто человѣкъ, которому не спится.

«Вы человѣкъ, который безсмертенъ, одинъ среди этой толпы!»—могла бы добавить я. И мысль, что онъ сейчасъ откланяется и оставитъ меня навсегда, и кончится странный, сладкій сонъ,—наполнила меня безпокойствомъ. Можетъ быть, опять слишкомъ не по этикету я поторопилась сказать:

— О, нѣтъ, нѣтъ, я вижу!

Онъ продолжалъ спокойно, въ самомъ дѣлѣ, слишкомъ непохожій на тѣхъ, кто въ этотъ часъ преобладалъ на улицѣ:

— Въ бессонницу чувствуешь себя дома такимъ одинокимъ. Странно! Въ этомъ городѣ слишкомъ много такихъ. И они такъ же напрасно зовутъ сонъ, жаждутъ забвенія и видѣній и смотрятъ въ стеклянный воздухъ на неподвижные каменные дома. Но кажется, что ты одинъ во всей вселенной. На улицѣ этого нѣтъ. Тутъ жизнь. И вотъ въ эти часы я люблю этотъ бессонный городъ-призракъ, гдѣ небо безъ красокъ, и «окна бѣлыя свѣтятъ ненужно»...

Вѣроятно, мнѣ хотѣлось, чтобы онъ не подумалъ, будто я ишу приключеній. Я согласилась,—да, Невскій красивъ. Если-бъ только не этотъ торгъ!..

Онъ кивнулъ головой и, точно подумавъ минуту, продолжалъ:

— Но это не искажаетъ стиля. Въ судьбѣ жрицы любви всегда есть и было что-то мистическое. Это такъ идетъ этому городу и этимъ ночамъ. Такъ было отъ вѣка,—въ Египтѣ, въ Аѳинахъ, въ Римѣ, и есть теперь. Чувствуешь жуткую повторяемость и единство жизни, когда подумаешь, какая бездна вѣковъ прошла, сколько измѣнилось и умерло формъ и исчезло поколѣній! Но одно осталось — вѣчная тоска влеченія. Вотъ штабный писарь съ случайной подругой. Сегодняшнюю ночь онъ будетъ говорить ей на ея ложѣ то, и тѣми же пошлыми словами, что говорилъ нѣкогда такой же женщинѣ римскій легионеръ, съ бритыми колючими щеками. И поэтъ нынѣшняго дня будетъ повторять то же, что семь тысячъ лѣтъ назадъ говорилъ Давидъ женѣ Уріи. И этотъ толстякъ—тѣ же ласковыя слова, что говорилъ великій и славный и пресытившійся царь Валтасаръ...

Я сдѣлала ироническій голосъ и спросила:

— Вы, вѣроятно, пишете стихи? Вы поэтъ?

— Нѣтъ, я художникъ. Неудавшійся художникъ. Такъ, мазилка!..

V.

Я помню каждое его слово. Я могла бы сейчасъ записать ихъ всѣ, со всею точностью. Скажи, отчего наши мужья въ минуты высшей нѣжности, высшаго вдохновенія, высшей радости, какую даемъ имъ мы, женщины,—не говорятъ намъ ничего подобного тому, что походя разбрасываетъ талантъ?

Передъ какимъ-то словомъ онъ затруднился. Вышло бы немножко рѣзко. Онъ вдругъ точно вспомнилъ, что говорить съ женщиной, извинился и продолжалъ:

— Волшебный городъ! Онъ вымощенъ не камнемъ, а воспоминаніями. Полвѣка назадъ по этому проспекту, когда еще на немъ горѣли керосиновые фонари, торопливо бѣжалъ худой человѣкъ въ порыжѣвшей крылаткѣ, съ некрасивымъ длиннымъ носомъ, съ единственной трехрублевкой стариннаго образца въ карманѣ, и робко и трепетно засматривалъ подъ женскія шляпки. Потомъ шмыгнулъ въ свою Мѣщанскую, и дома загорѣлся, и написалъ «Невскій проспектъ». И тогда еще никто не зналъ, что этотъ Гоголь будетъ великимъ. Асенкову, усталую, съ сонной улыбкой на прекрасныхъ дѣтскихъ губахъ, везла по этому проспекту позднею ночью старинная театральная карета... Сколько разъ въ такую ночь туда, гдѣ скачетъ мѣдный всадникъ, приходилъ изваявшій его Фальконетъ, и стоялъ и смотрѣлъ!

— Знаете, у насъ, художниковъ, бываетъ странная тоска по тому, что мы когда-то сдѣлали и отъ чего отошли. Тянетъ, какъ преступника на мѣсто убійства. Мы видимъ тамъ совсѣмъ не то, что всѣ. Свою молодость, забытую натурщицу, умершую любовь, голодные, но прекрасные дни молодости... Иногда я беру извозчика и ѣду посмотреть свою картину въ...

Въ «Академію художествъ» долженъ былъ онъ сказать и во-время спохватился.

— ... И ѣду въ одну галлерею. Я прихожу и смотрю, и вижу, что тамъ скрыто подъ красками. Въ такія ночи, какъ сегодня, мнѣ иногда кажется, что на Невскій выйдутъ всѣ воскресіе призраки изъ разныхъ эпохъ и пройдутъ мимо. Можетъ быть, кругомъ насъ все тѣни? Посмотрите, вонъ этотъ офицеръ. Онъ—точно изъ иллюстрацій къ Евгенію Онѣгину! А вотъ эта старуха—не съ картинки-ли она послѣднихъ модъ, приложенной къ «Библіотекѣ для чтенія» въ 41 году?..

На минуту онъ опустилъ голову, точно сгорбился, сталъ меньше.

— Въ прошломъ мѣсяцѣ отъ меня ушла натурщица,—сказалъ онъ.—Я съ ней давно работалъ. Натурщица, это—нѣчто для художника. Съ ней сродняешься. Когда она ухо-

дигъ, только тогда понимаешь, что она была немножко побольше модели и поменьше подруги...

— Она умерла?

— Она вышла замужъ за старшаго кухмистра. Рано или поздно, надо упрочивать свою карьеру. Но къ чему я вамъ все это говорю?—засмѣялся онъ вдругъ. — Вамъ совершенно неинтересна моя натурщица!..

VI.

— Нѣтъ, право,—подхватилъ онъ съ живостью,—Петербургъ хорошъ уже тѣмъ, что онъ весь фантастиченъ, и все фантастично въ немъ. Не знаешь, что будетъ черезъ часъ. Какъ это хорошо, что вы не знаете меня, я—васъ. Мы просто—люди, безъ кличекъ, безъ ярлыковъ. Ничто не обязываетъ насъ къ условленнымъ любезностямъ. На минуту мы можемъ забыть, что въ обществѣ нельзя заговорить мужчинѣ съ женщиной, не будучи представленнымъ. Можетъ быть, я—бѣдный живописецъ, случайно сорвавшій 25 рублей, распившій на радостяхъ бутылку плохого вина съ голодными пріятелями и расчувствовавшійся передъ незнакомой женой дѣйствительнаго статскаго. А можетъ быть, я—состоятельный нотариусъ, а вы—бѣдная классная дама, которую дома ждетъ бабушка семидесяти трехъ лѣтъ. Можетъ быть, мы оба фантомы. Сѣдое небо станетъ синѣе,—утро разнесетъ насъ, какъ дымъ. Отъ нашей встрѣчи не останется нигдѣ слѣда. Мнѣ такъ плохо видно ваше лицо. Оно закутано и загадочно. Но мнѣ кажется, что оно прекрасно. Кто вы? Гдѣ вы будете завтра? Разскажете-ли вы мужу о странномъ, неожиданномъ человѣкѣ, который болталъ вамъ о мистикѣ Невского проспекта и мѣдномъ всадникѣ? И кто вашъ мужъ?

— Угадайте,—улыбнулась я.

VII.

— Попробую,—протянул онъ и началъ фантазировать.

«Онъ много старше меня, думалъ онъ вслухъ, — онъ значительный чиновникъ. У него два лица. Одно — для жены, обыкновенное человѣческое лицо, простое, съ улыбкой. Другое—для всѣхъ и, въ особенности, для подчиненныхъ по службѣ. Утромъ онъ пьетъ кофе, ворчитъ, если оно остыло или ему во время не подали газетъ, и затѣмъ дѣлаетъ свое второе лицо, со строгими бровями и глазами. Довольно посмотрѣть на этого человѣка въ вицмундирѣ, чтобы у подчиненнаго отпало желаніе что-либо попросить у него. Его лицо дома другое, но душой онъ чиновникъ и дома.

— Онъ, какъ заведенные часы. А вѣдь вы другая! Вы—живая. Если бы онъ встрѣтилъ васъ сейчасъ,—онъ упалъ бы въ обморокъ...

Странно, это была правда или почти правда. Талантъ угадываетъ. Онъ точно ясновидящій. Нѣксторя мелочи были такія, точно онъ видѣлъ его. По какимъ намекамъ онъ угадалъ эту рознь нашихъ душъ!..

Точно дрожь вдругъ пробѣжала по моему тѣлу. Въ самомъ дѣлѣ, если-бъ сейчасъ онъ оказался здѣсь!.. Если бъ кто-нибудь другой!.. Мнѣ инстинктивно захотѣлось укрыться.

Свободное ландо поровнялось съ нами и тихо двигалось вслѣдъ. Онъ вопросительно взглянулъ на меня. Такъ, конечно, было меньше опасности. Да, не удивляйся,—случилось такъ, что мы сѣли. «На острова?»—тихо спросилъ онъ и, почти не ожидая отвѣта, громко сказалъ кучеру:

—На острова!

VIII.

...Помню острую пику адмиралтейства въ неподвижной темной зелени. Здѣсь не было уже ни малѣйшаго вѣтерка.

Тебѣ никогда не казалось въ лѣтнюю ночь это зданіе такимъ чужимъ Петербургу? Этотъ острый конусъ въ засывшемъ стеклѣ воздуха,—это точно какая-то восточная кумирня. Чудится, что тамъ, внизу, за этой зеленью, которую кто-то выгравировалъ на стали тонкимъ-тонкимъ штрихелемъ,—съ закрытыми глазами, со сложенными на груди руками дремлютъ уродливые боги...

Помню стальную потемнѣвшую Неву, аллеи парковъ, гулкіе мосты съ подбѣгавшими на нихъ безсонными мужиками, съ больными, блѣдными розами.

У одного онъ взялъ букетъ, бросилъ ему маленькую золотую монету, и я вспомнила, какъ торговался мужъ, и какъ долго за нашимъ ландо всегда бѣжалъ мальчишка въ потной рубахѣ, съ вытянутой рукой и жадными глазами.

Я понимала, что онъ бросилъ это для меня, что онъ не сдѣлалъ бы этого, если бы былъ одинъ. Но и такъ это было красиво, достойно сильнаго и счастливаго мужчины, который,—если можетъ,—дѣлаетъ все счастливымъ вокругъ себя.

Я была опьянена его близостью. Какъ-то пошло сказать—влюблена. Это было лучше того чувства, какое иногда вызываетъ вдругъ безумно понравившійся человѣкъ. Иногда ему казалось, что букетъ обременяетъ меня. Онъ бралъ его себѣ. И на секунду соприкасались наши руки.

— Вы замѣчаете,—сказалъ онъ,—нигдѣ, докуда хватаетъ глазъ, ни одного огня! Духу ночи негдѣ было бы зажечь себѣ папиросу! Можетъ быть, и стихіи нуженъ покой. И нигдѣ ни воробья, ни голубя, ни собаки! Все покорно природѣ, повелѣвающей ночью спать. Только одинъ человѣкъ идетъ противъ нея и отнимаетъ сонъ отъ лошади...

IX.

Когда онъ замолчалъ, точно усталый,—стала говорить я. Да, какъ странно онъ угадалъ обо мнѣ и мужѣ! И я